detkityumen.ru

Наталья Мариненкова. "Моя профессия – быть Мамой"

Мариненкова Наталья - главный врач тюменского Дома ребенка, заслуженный врач России.

Любимый напиток – вода **Любимая литература** – не женские романы, но женские авторы – Улицкая, Маринина, Степнова. **Любимая кухня** – домашняя, это единственное хобби, которое у меня есть. И на даче шашлычник тоже я. **Любимый отдых** – люблю встречаться с друзьями, отдыхать на природе.

Я родилась в 1955 году в Тобольске в семье учителей. Мама – учитель математики, папа преподавал физику, был деканом физмата в институте. Я закончила в Тобольске 10 классов, поступила в Мединститут в Тюмени, и после его окончания начала работать в 1 детской поликлинике, была распределена врачом-педиатром. Через год меня назначили заведовать педиатрическими участками, а в 1985 году, то есть через 7 лет после окончания института, я начала работать в Доме ребенка. 24 мая 2013 года было 28 лет моей работы на посту главного врача. За время работы я сталкивалась с различными жизненными ситуациями и сейчас могу сравнить сегодняшнюю ситуацию и обстановку 30 лет назад. Дом ребенка – это как капля воды в море, отражающая всю жизнь общества. Все основные события, так или иначе, проявляются и отражаются на детях. Например, в 1986 году началась борьба за трезвость, эта инициатива была поддержана всей страной. Видимо, люди протрезвели, и действительно, детей стало поступать гораздо меньше. Дальше наступили всеми любимые и ненавидимые 90-е, когда все очень быстро разрушалось, закрывались предприятия, количество рабочих мест резко сократилось и, конечно, от детей стали отказываться чаще. Я в то время считала количество рожденных детей в областном центре и количество детей, поступивших к нам, получалось, что почти каждый тридцать третий ребенок оказывался в стенах моего учреждения. Но и тогда шло активное усыновление. Тем не менее, мы рассчитаны на 115 детей, но в те годы меньше 140 малышей никогда не было. Эти цифры наглядно демонстрируют течение жизни общества, то, как на него влияют кризисы и дефолты. Но это важно не только в материальном аспекте, но и в моральном. Складывается впечатление, что у многих людей отсутствует ген родительства, материнства и отцовства. Часто я сталкиваюсь с родителями, которые мотивируют свой отказ от ребенка материальными сложностями. Но ведь есть семьи, которые живут и в худших условиях, но от своих детей не отказываются. И тут задумываешься, о чем вообще думают люди, когда узнают о беременности, раз не решают этот вопрос превентивно, например, еще на моменте предохранения от нежелательной беременности.

Расскажите, пожалуйста, про Дом Ребенка, какие дети к Вам попадают, и какой работой Вы занимаетесь?

К нам поступают дети с самого рождения и до трехлетнего возраста. В четыре года мы выпускаем детей, это максимальный возраст для нашего учреждения. Малыши к нам поступают из родильных домов, то есть отказные, из неблагополучных семей, когда ребенок оказывается в обстановке, которая угрожает его жизни и здоровью. К нам их везут социальные службы, милиция, их приводят родители. Бывает и такое, что дети к нам помещаются на время, например, когда родитель болен и требуется длительное лечение. Когда ситуация нормализуется, то они забирают детей обратно. К нам поступают и дети-инвалиды, сейчас их, конечно, стало меньше, но не каждая семья может позволить себе не работать и ухаживать за больным ребенком. Надо отметить, что различные меры социальной поддержки, которые предпринимает правительство области и города, действительно, помогают семьям. Это и повышение разовых выплат по рождению ребенка, и выплаты по усыновлению, и ежемесячные пособия по уходу за ребенком. И когда встает вопрос о материальной стороне рождения ребенка, то эта поддержка играет серьезную роль, и некоторые семьи решают оставить малыша. Поэтому на сегодняшний день отказных детей стало меньше, с ними больше работают психологи, юристы, социальные службы. С одной

стороны уменьшение отказных детей меня радует, но с другой стороны, как специалист, 28 лет занимающийся этими вопросами, могу отметить, что уменьшилось и количество детей, поступающих из неблагополучных детей.

Я считаю, что уже имею право на собственное мнение, и не стесняясь говорю, что если семья состоит из пьющих или употребляющих наркотики родителей, то ребенка там оставлять нельзя. Каждый ребенок ведь копирует модель поведения родителей! И кого воспитают наркоманы или алкоголики? Мы растим слой маргиналов, вместо того, чтобы пытаться исправить ситуацию. С неблагополучными семьями пытаются работать социальные службы, они стараются профилактировать сиротство, но для чего это нужно? Смысл ведь в том, чтобы такие люди перестали пить, чтобы хотя бы устроились на работу! А многие из них вообще существуют на детские пособия. И когда такие детки к нам попадают, то они порой даже не знают некоторых продуктов, не знают, что делать, например, с запеканкой или котлетой. И этих малышей очень жалко, мы должны их отмыть, привести в чувства. А родители появляются через несколько дней и требуют вернуть ребенка. Но мы отдать ребенка не имеем права, остается лишь помогать детям, которые переживают разлуку с родителями. Но есть и такие родители, которые однажды лишившись ребенка, встают на путь исправления и больше их детей мы не видим, к счастью. Так же могу отметить положительные тенденции в вопросах усыновления, многие люди готовы к тому, чтобы забрать ребенка из детского дома.

На сегодняшний день ситуация такова, что многие детские дома попросту закрывают. Как Вы к этому относитесь, и какие есть перспективы для детей, если все детские дома закроют?

Действительно, разговоры о закрытии детских домов ведутся, предлагают сразу же распределять детей по приемным семьям, как, например, а Америке. Там есть система «фостеровских» семей, когда дети, минуя приюты, попадают на воспитание к приемным родителям. Но это семьи профессиональных воспитателей, от этого зависит их заработок, это их работа. Такие родители ведут документацию, пишут отчеты, но я не могу сказать, что в таких семьях дети растут более счастливыми. В России дети попадают в Дом ребенка, потом в Детский дом, там он будет жить до 11 класса, учиться, и всегда будет шанс, что его заберут приемные родители в семью. Там же ситуация складывается совершенно по-другому. И я не думаю, что такая альтернатива предпочтительнее для детей. Ведь чем такие семьи отличаются от детских домов? У детей точно так же не формируются привязанности, у них нет обязанностей, хоть и живут в семье, так как из-за отсутствия взаимопонимания между ребенком и приемными родителями или трудностями, связанными с поведением подростка, многие дети часто переходят из одной семьи в другую. Дети имеют право отказаться от выполнения каких-то обязанностей в приемной семье, а их не имеют права заставлять это делать в приказном порядке. К сожалению, подобную систему сейчас пытаются создать и в России осень ускоренными темпами, но я считаю это не правильным. На сегодня у нас нет достаточного количества подготовленных семей для принятия всех детей, не зависимо от их возраста, состояния здоровья и юридического статуса. Я много общалась с иностранцами на эту тему, за границей к таким семьям часто негативное отношение. Редкая семья может дать детям ровное позитивное отношение, ведь, как и у любого работника, бывает профессиональное выгорание, когда заниматься детьми уже нет никакого желания. К сожалению, подобную систему пытаются создать и в России, но я считаю, что это не правильно. Моя главная задача, я ее всю жизнь вижу перед собой, и ее же ставлю перед коллективом - мы должны оптимизировать состояние здоровья ребенка, его морально-психологический настрой, чтобы каждый малыш мог адаптироваться в обществе, понравиться усыновителям и уйти в семью. За 30 лет работы в Доме ребенка я видела несколько стадий развития наших учреждений – сначала нас пытались реанимировать, поднять зарплату работникам, а сейчас вдруг оказалось, что все это не надо. И темпы, с которыми закрывают детские дома, мне совсем не нравятся. Не так уже все и плохо во многих учреждениях. В детском доме ребенка учат ответственности, у каждого ребенка есть свои обязанности, дети учатся, а ведь не в каждой семье ребенок будет так же занят и присмотрен.

Расскажите, пожалуйста, какие существуют правила для усыновления?

Для усыновления не имеет значения, одинокая женщина хочет усыновить, или она в браке, есть ли еще дети, или их нет. Требования к усыновителям общие. Главное, чтобы было желание и возможность вырастить усыновленных детей. Для того, чтобы усыновить ребенка, необходимо обратиться в органы опеки по месту жительства, собрать необходимый пакет документов, который нужен для передачи детей в семью. Есть

несколько основных моментов. Человек должен иметь доход не ниже прожиточного минимума на члена семьи, включая приемного ребенка. Усыновитель должен пройти медицинское обследование, чтобы не было никаких тяжелых заболеваний, препятствующих воспитанию приемного малыша. И, конечно же, важно место жительства – нужно, чтобы квартира была в собственности или арендовалась по договору социального найма. А остальное это уже бумажная работа. И каждый усыновитель должен пройти школу замещающих родителей, это обязательно. Я часто сталкиваюсь с тем, что люди проходят эту школу, общаются с психологами, но, тем не менее, они плохо подготовлены к усыновлению, не представляют себе в реальности, как взять чужого ребенка и воспитать. Важно помнить, что чужой ребенок всегда непредсказуем. Поэтому не стоит от него ждать невероятных успехов с первого дня жизни в семье. Мы ведь не знаем, как учились его родители, какая наследственность ему передалась. Приемные родители должны внимательно относиться к своим детям, помогать им во всем.

Как Вы вообще решили стать педиатром, почему решили связать свою жизнь с детством?

Когда я оканчивала институт, педиатрического факультета не было. На 5 курсе нам сказали, что на 6 курс субординатуры набирается две группы педиатров. У нас был достаточно жесткий отбор, туда поступили только те, кто хорошо учился, я в том числе. А в Доме ребенка я оказалась волею судьбы и коммунистической партии. Руководство детского дома меняли, и нужен был главный врач. Так как добровольно никто идти не хотел, отправили меня сюда принудительно. И тут я осталась на всю жизнь.

У Вас были какие-то сомнения, связанные с новой должностью?

Какие у меня сомнения! У меня были рыдания! Надо сказать, что во время учебы у нас были занятия в Доме ребенка несколько раз. Тогда мой сын Денис был еще маленьким и каждый раз, когда у нас выпадали занятия на Дом ребенка, я предпочитала их пропустить и провести время со своим сыном, а потом отработать пропуски. И когда мне сказали, что с завтрашнего дня я иду работать в Дом ребенка, у меня был шок! Детская больница для меня была родным домом, у нас был очень дружный коллектив, поэтому уход оттуда был очень тяжелым. Поэтому два дня плакала, а потом поняла, что деваться некуда, ответственность на мне огромная, поэтому должна стараться. И сегодня я могу сказать, что Дом ребенка это мой второй дом, а может быть, даже и первый. Когда я пришла сюда работать, у меня было двое маленьких детей, приходилось разрываться между работой и воспитанием собственных малышей. Но потом я научилась совмещать работу и дом. Ведь кроме того, что мы здесь работники, мы еще и мамы. Профессиональные мамы. Это не просто провести занятия, как это делают воспитатели. Каждый работник Дома ребенка – то мама, которая должна следить за всеми малышами, приготовить им одежду, проверить состояние здоровья, если ребенок болеет, то приласкать, покачать. Мы мамы, конечно, суррогатные, но дети к нам так же привязываются, как и мы к ним. Каждого ребенка, которого мы отдаем в Детский дом, мы провожаем со слезами, потому что привязываются к детям. И только если ты относишься к работе, как к дому, то тогда будет толк от твоей работы.

Много ли к Вам приходят людей, желающих помочь Дому ребенка?

К нам ходят школьники, студенты, учащиеся колледжей, жители города - волонтеры. Бывает, что взрослые женщины, имеющие своих детей, просят разрешения прийти поиграть или погулять с детьми, но я лично не очень это понимаю. Вот школьники должны через это пройти, увидеть собственными глазами, к чему приводит раннее начало половой жизни, курение, алкоголизм, наркомания. На них это производит сильное впечатление, надеюсь, что после наших экскурсий дети делают выводы. А когда приходит женщина, у которой в машине спит собственный ребенок, то мне кажется, что лучше им и заняться. Многие люди считают, что детей в Домах ребенка не кормят, обижают, и совершенно бесполезно говорить о том, что дети растут в нормальной обстановке. Проблема у них одна - рядом нет родной мамы.

А бывали ли случаи, когда работники дома ребенка усыновляли деток?

Да, бывало и такое, что усыновляли детей, и даже не одного. Не так часто это бывало, но бывало, и, как правило, люди продолжали работать дальше. Но не все дети об это знают.

А как Вы считаете, стоит ли говорить приемным детям о том, что их родители не родные?

Я считаю, что говорить нужно. Понимаете, жизнь непредсказуемая, и ребенок в большинстве случаев узнает о том, что он усыновлен. Но узнают дети об этом, к сожалению, в моменты ссор, или от близких семье людей в периоды напряжения отношений. И это может лишь усугубить конфликт в семье. Лучше, если ребенок это узнает от родителей в возрасте 4-6 лет. Это будет менее болезненно и дальше жить будет гораздо проще. Если приемный ребенок узнает в подростковом возрасте, что он не родной, то это может привести к нарушению эмоциональных связей в семье. Поэтому лучше сказать мягко, придумать свою легенду, но сказать.

Много ли иностранцев приезжают в Тюмень для усыновления?

Иностранное усыновление на сегодняшний день прекращено, а раньше забирали детей в Америку, Канаду, Англию, Испанию, Францию, Германию. И отдавали мы детей достаточно много. Уже два года нет иностранного усыновления, потому что у нас и так активно идет усыновление, не думаю, что мы к этому вернемся.

Вы считаете, что так лучше для детей?

Я никогда не считала злом иностранное усыновление. Мы отправляли детей за границу на протяжении 20 лет, и нам до сих пор приходят письма с фотографиями наших воспитанников, как они растут, какие у них интересы, приоритеты в жизни. Мы с радостью читаем такие письма, всегда приятно знать, что у наших деток за границей все хорошо.

Есть ли в Вашей работе сложные для Вас моменты?

Сложных моментов, как и в любой семье, много. А морально тяжело не с детьми, а во взрослыми. Мне не нравится та ситуация, которая разворачивается вокруг интернатных учреждений, в том числе, и вокруг Дома ребенка. И мне не нравится то, что органы опеки на сегодняшний день не в полной мере выполняют свои обязанности по защите прав детей.

А как же ювенальная юстиция?

Ювенальная юстиция – это то явление, про которое все говорят, но дословно никто об этом не знает. Есть некоторые моменты, которые пугают людей, например, слухи о том, что могут забрать любого ребенка из любой семьи, если в доме нет фруктов. Это же преувеличение! В законе говорится о том, что нужно защищать права ребенка, что каждый несовершеннолетний человек имеет право обратиться за помощью. А то, что происходит за границей с нашими соотечественницами, так это скорее политические моменты, чем вопросы, связанные с ювенальной юстицией. Но суды, занимающиеся детскими вопросами, необходимы, так как это очень сложный вопрос и многие проступки детей нельзя сравнивать с проступками взрослых, это совершенно разные вещи. Поэтому необходимо готовить людей, которые работают в социальных структурах, чтобы ювенальная юстиция реализовывалась максимально эффективно.

Как Вы относитесь к беби-боксам?

Я уже высказывала свое мнение. Я считаю, что это бесполезная идея, так как за время существования этого проекта в беби-боксах оказались всего 4 малыша, и это по всей стране! Ведь если мама решила бросить ребенка, то ей проще обратиться в Дом ребенка, нежели ехать специально через весь город, чтобы воспользоваться беби-боксом. Скорее, это коммерческий проект, нежели социальный. Тем более, что возможность отказаться от новорожденного есть и в роддоме.

А бывали ли у Вас случаи, когда приемные родители брали ребенка, а потом возвращали?

К сожалению, очень редко, но такие случаи бывали. На протяжении последних лет такого не было, но в этом году такое произошло. Но я уже говорила, что многие имеют представление о процессе усыновления, но не всегда их ожидания совпадают с реальностью. Некоторые люди приходят к нам с вполне оформленными ожиданиями – чтобы была девочка 2,5 лет с голубыми глазами, чтобы ее можно наряжать в платья и гордиться ею. А в реальности у девочки глаза карие, и возраст младше, вот и расходятся мечты с действительностью.

А вот в вопросах воспитания собственных детей Ваша работа Вас чему-нибудь научила?

В вопросе воспитания собственных детей меня всегда гложет совесть, так как всегда очень много времени занимала работа. Но мне просто повезло, что у меня такие дети, особых проблем с ними не было. Сейчас сыну будет 38 лет, дочери 32 года, у них уже свои семьи, поэтому стараюсь участвовать в воспитании внуков. Единственное, что я могу сказать уверенно – дети должны быть со своими родителями друзьями. Взаимопонимание с детьми у меня всегда было и есть. Когда его нет, тогда очень сложно. И какой бы маленький ребенок ни был, его мнение нужно уважать, не перегибать палку, прислушиваться к его словам. Сейчас у меня четыре внука – три мальчика и наконец-то дождались мы девочку. Старший внук занимается танцами, у него первый разряд по спортивным танцам, второй отличник, всего лишь две четверки получил в этом году. Третий внук такой фантазер, может обвести вокруг пальца даже меня! Ну а внучка еще маленькая, ей всего 5 месяцев, мама с ней уже занимается по системе раннего развития.

Что для Вас счастье?

Счастье – это очень просто, как в поговорке, когда с радостью идешь на работу и еще радостнее бежишь домой. Счастье – это когда нет несчастья. То есть, когда нет таких проблем, которые ты не можешь решить – это уже счастье! Потому что необычайно лучезарное счастье бывает только в детстве и юности. А сейчас важно, чтобы все были здоровы дома, чтобы дети хорошо учились – и это счастье.

С Натальей беседовала Ольга Чепик 06 июня 2013 г

Адрес на сайте «Детки!» detkityumen.ru/interesno/category440/1792/